

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

ДАНЫЯ ДЛЯ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ИСТОРІИ

въ *Monumenta Poloniae historica* t. IV, Lwów 1884.

Въ послѣдніе годы изученіе исторіи польскаго государства и русскихъ областей, присоединенныхъ къ нему въ XIV—XVI столѣтіяхъ, подвинулось значительно впередъ благодаря усиленной разработкѣ и изданію матеріаловъ. Польская историческая литература обладаетъ рядомъ цѣнныхъ трудовъ, къ которымъ не можетъ не обращаться съ пользою для себя русскій историкъ. Не всѣ эти труды отличаются одинаковымъ научнымъ безпристрастіемъ, но не смотря на одностороннее освѣщеніе раскрываемыхъ въ нихъ фактовъ исторіи Западной Руси можетъ найти въ этихъ работахъ немало важныхъ и интересныхъ данныхъ. Въ особенности представляютъ цѣнное обогащеніе исторической науки критическія изданія матеріаловъ давно напечатанныхъ и новыхъ — по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ. Во главѣ этихъ изданій можетъ быть поставлено изданіе, начатое Вѣлевскимъ и продолжаемое Краковскою Академіею Наукъ.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ IV-й томъ этого изданія — „*Monumenta Poloniae historica*“ — и мы намѣрены въ настоящей замѣткѣ обратить на него вниманіе читателей.

Томъ этотъ, не отличаясь размѣромъ отъ предыдущихъ, ниже ихъ по интересу помѣщенныхъ въ немъ матеріаловъ. Значительная часть этого тома наполнена житіями польскихъ святыхъ XI и XIII вв.: Станислава и Прандоты, Краковскихъ епископовъ, Вернера, еп. Плоцкаго, Яцка, княгини Гедвиги, Анны и Саломеи. Не всѣ изъ этихъ житій заключаютъ первоначальныя сказанія, не заимствованныя изъ другихъ — уже извѣстныхъ — источниковъ, а перечни чудесъ не имѣютъ особой исторической цѣнности, содержа изрѣдка бытовья подроб-

ности. Кромѣ названныхъ житій и двухъ сказаній о св. Адальбертѣ и его чудесахъ въ разсматриваемомъ томѣ помѣщены фрагменты менологивъ, два перечня епископовъ, „*Liber mortuorum monasterii Pelpinensis*“, „*Tabula defunctorum patrum et fratrum Cartusiae Dantiscanae*“. Изъ чисто свѣтскихъ источниковъ находимъ нѣсколько небольшихъ и неважныхъ анналовъ и выдержекъ изъ нихъ, рассказъ о Грюнвальдской битвѣ 1410 г., „*De persecutione Judaeorum Vratislaviensium a. 1453*“ и трактатъ и рѣчь противъ крестоносцевъ, написанные въ началѣ 2-й половины XV в. Не называя нѣсколькихъ болѣе мелкихъ памятниковъ, упомянемъ еще объ изданіи въ настоящемъ томѣ житія Моисея Угрина.

Какъ видно изъ представленнаго перечня содержанія IV-го тома „*Monumenta Poloniae*“, въ разсматриваемой части не можетъ быть особо цѣнныхъ матеріаловъ для русской исторіи. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь встрѣчаемъ отрывочныя данныя, на которыя считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе русскихъ читателей, полагая, что эти данныя представятъ для нихъ интересъ.

Перечислимъ извѣстія, относящіяся къ Руси, приведши ихъ въ хронологическую послѣдовательность.

Отмѣтимъ прежде всего слова *Vita (maior) sancti Stanislai Cracoviensis episcopi* о Польшѣ при Болеславѣ Храбромъ ¹⁾: Польша простиралась отъ Кіева, матери городовъ русскихъ, до горъ Каринтіи. Изъ житія св. Станислава слова эти были внесены въ *Miracula sancti Adalberti* ²⁾, а также въ *Rocznik Traski* ³⁾. Такъ поддерживалась и въ позднѣйшее время національная гордость воспоминаніями о завоеваніяхъ Болеслава, и на Люблинскомъ сеймѣ польскіе послы просили короля „присоединить къ королевству Кіевъ съ принадлежащими къ нему землями, какъ область, которая издревле платила дань королевству и

¹⁾ „*In descriptionibus quoque suorum annalium sub rege victoriosissimo Boleslao pio, Christiano filio Mesconis, qui primus fuit Christianus, adaucta felicibus incrementis, inclitis illustrata triumphis, amplissimum profecisse traditur in regnum, a Danubio siquidem magno flumine regni Hungariae usque ad Solavam fluvium Saxonie, a Kyoviensi quoque civitate, que est metropolis Ruzzie, usque ad montes Karintie sui imperii extendens palmites, longe a se positas quondam suo sceptro regebat exteras naciones*“. P. 364—365.

²⁾ *Monum.*, p. 237, 224 и 342.

³⁾ *Monum.*, 343.

которой князья оказывали обыкновенно повиновение ему, что легко усматривается изъ привилегіевъ, представленныхъ королю, какъ равно и изъ *древнѣйшихъ лѣтописей* извѣстно, что городъ этотъ былъ трижды взятъ и разграбленъ польскими королями¹⁾.

Въ *Vita (minor) sancti Stanislai* есть упоминаніе о женитьбѣ Казимира, возвратившагося въ Польшу въ 1039 г., на русской княжнѣ Маріи—Добронегѣ²⁾. По мнѣнію издателя, извѣстіе объ этомъ напоминаетъ соотвѣтствующія слова хроники Галла³⁾.

Изъ изданнаго теперь того же житія Станислава былъ заимствованъ въ XIII в. писавшимъ послѣ 1288 г. Mierzw'ою разсказъ о завоеваніяхъ на Руси Болеслава Смѣлаго, повторяющій фавулу, переданную Винцентомъ⁴⁾: соревнуя своему прадѣду, великому королю Болеславу, Болеславъ Смѣлый, задумалъ возвратить потерянное и возстановить восточную границу польскаго королевства въ Кіевскихъ воротахъ⁵⁾.

1) Дневн. Любл. сейма 1569 года, СПБ. 1869, стр. 401.

2) *Hinc (отъ импер. Оттона) veniens, licet cum difficultate tandem hostibus expugnatis, cum pace regnum possedit Polonie. Post hec accepit uxorem unam de Rusie principibus nobiliorē nomine Dobronegam dictam, cognomine Mariam...* Monum., p. 272. Отмѣченные курсивомъ слова представляютъ не лишніе интереса варианты къ извѣстіямъ, собраннымъ И. А. Линниченко въ его монографіи „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія“, Кіевъ 1884, стр. 48—52.

3) Monum., 247.

4) Monum., 274—275.

5) Издатель „*Vita s. Stanislai*“ отмѣчаетъ неточность, допущенную Бѣлевскимъ во II-мъ т. *Monumenta Poloniae* при изданіи Mierzw'ы; редакторъ текста послѣдняго вмѣсто словъ „*in valvis Kyoviensibus limites regni Poloniae reformare*“, каковое выраженіе стоитъ въ *vita* и въ большей части текстовъ Mierzw'ы, принялъ „*milites regni Poloniae reformare*“, что несогласно съ традиціею текста. Monum., 249—250. Кіевскія ворота (*walvae*), о которыхъ здѣсь говорится, очевидно—тѣ самыя, легенду о которыхъ житіе передаетъ сколько ниже при разсказѣ по Галлу о подвигахъ Болеслава I: „*De illo enim legitur in cronica Polonorum, quod a Danubio usque ad Solauam dilatauit sue gentis imperium. Regnum autem suum non solum uiriliter gubernavit, sed et sua probitate Poloniam deauravit... Ipse Sclauos et Ungaros sepius in certamine deuicit et terram eorum usque ad Danubium possedit. Deinde descendens in Russiam et intrans Kyouiam per portam, que vocatur aurea, in sig-*

Онъ прошелъ побѣдоносно по русскимъ землямъ, пренебрегъ всѣми богатствами и довольствовался однимъ триумфомъ побѣды. Подавивши вполне возстаніе, Болеславъ поставилъ королемъ, во главѣ русскихъ князей, своего замѣстителя. Далѣе слѣдуетъ эпическая подробность, заимствованная изъ Кадлубка, о томъ, какъ этотъ намѣстникъ добивался публичной почести отъ Болеслава, пообѣщавъ за каждый шагъ Болеслава по таланту золота: Болеславъ де былъ возмущенъ такимъ предложеніемъ, оскорблявшимъ королевское величіе и имѣвшимъ цѣлью покупку королевской милости, но все-таки обѣщаль выказать свою благосклонность. „И какъ бы ты думаль—какъ онъ это сдѣлалъ? Онъ хватаетъ подходящаго короля за бороду и потрясаетъ, обрывая ее. „Вотъ, говоритъ онъ, та страшная голова, которой вамъ, русскіе, слѣдуетъ трепетать“. Потряси опять и опять еще сильнѣе, говоритъ: „Вотъ мужъ, котораго мы удостоиваемъ чести“. Видишь, замѣчаетъ повѣствователь, сколько милости заслужило въ глазахъ Болеслава расположеніе, выражаемое золотомъ“¹⁾). Такого рода розказни о вмѣшательствѣ Болеславовъ въ русскія дѣла ходили у поляковъ въ XII и XIII вв., розказни, исполненныя хвастливости, преувеличеній и искаженій.

Слѣдующія извѣстія о Русскихъ относятся къ XII в. и находятся въ извлеченныхъ Длугошемъ выпискахъ изъ неизвѣстныхъ источниковъ. Большинство этихъ замѣтокъ внесено въ его исторію, и любопытно сопоставлять ихъ съ многословными повѣствованіями польскаго историка. Для насъ интересны упоминанія о русскіихъ подѣ 1137²⁾ и 1182 гг.³⁾, а въ особенности извѣстіе объ изгнаніи Казим

pum waluas eius suo gladio percussit et ibi regni Polonie fines terminavit“ Монум., 267—268. Сопоставленіе этого мѣста *Vita* съ Галломъ см. въ Монум., 246.

¹⁾ Объясненіе этого розказа см. у г. Линниченка: Взаимныя отношенія и пр., стр. 110—111. Вопреки легендѣ оба Болеслава вывезли изъ Руси много богатствъ, и это значительно вліяло на направленіе ихъ внутренней политики. Stefczyk, *Upadek Bolesława Smiałego*, Warsz. 1885, 56, 66, 76.

²⁾ *Boleslaus ab Hungaris et Ruthenis configitur*. Монум., 11. Ср. амплификацію этого извѣстія у Длугоша (изд. 1711, I, col. 443—447), розказъ котораго разъясненъ г. Линниченкомъ на стр. ѱ1—ѱа.

³⁾ *Dux Kazimirus devicit Ruthenos*. Мон., 12, гдѣ указаны польскіе анналы, передающіе тоже извѣстіе,

миромъ изъ Галича угорскаго королевича Андрея въ 1188 году ¹⁾, о чемъ говорить и наша лѣтопись.

Наиболѣе цѣнныя для русской исторіи данныя въ разсматриваемомъ томѣ *Monimenta Poloniae* относятся къ XIII стол. и касаются Кіева и преимущественно галицко-волинской земли.

Подъ 1209 г. въ замѣткѣ Длугоша занесено интересное свѣдѣніе о томъ, что русскіе и литовцы разбили поляковъ и угровъ, сражавшихся за Коломана ²⁾. У Длугоша подъ этимъ годомъ ³⁾ находимъ разсказъ, приуроченный совершенно неосновательно къ этой датѣ и относящійся ко второму занятію Галича Мстиславомъ Удалымъ ⁴⁾. О литовцахъ Длугошъ не упоминаетъ, а постоянно говорить о половцахъ. Быть можетъ, разсматриваемое извѣстіе заимствовано изъ какой-либо древней записи. Оно получаетъ особую цѣну въ виду отсутствія точныхъ хронологическихъ указаній въ галицко-волинской лѣтописи и относительной краткости ея разсказа о событіяхъ послѣ смерти Романа. Весьма любопытно, что уже въ началѣ XIII в. литовцы помогали русскимъ на юго-западѣ ⁵⁾. Что до даты извѣстія, изъ котораго явствуетъ, что уже въ 1209 г. существовалъ договоръ поляковъ и угровъ касательно предоставленія галицкаго стола угорскому королевичу Коломану, то эта дата еще требуетъ провѣрки ⁶⁾.

¹⁾ Kazimirus Polonie dux eicit Andream filium Bele regis Hungarie de Halicziensi ducatu. Monum., 12.

²⁾ Milites Poloni et Hungari per Ruthenos et Lithvanos devicti in prelio, propter Colomannum venales exhibebantur. Mon., 12.

³⁾ I, col. 605—609.

⁴⁾ О времени этого занятія, см. въ ст. г. Бузескула: „О занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ“, помѣщенной въ мартовской кн. „Ж. М. Н. Пр.“ 1881; статья эта, впрочемъ, не представила полнаго и окончательнаго рѣшенія вопроса.

⁵⁾ Въ галицко-волинской лѣтописи также есть упоминаніе (подъ 1215 г.) о заключеніи мира между Романовичами, Литвою и Жмудью и о помощи затѣмъ со стороны литовцевъ. Ср. у Длугоша подъ 1211 г.

⁶⁾ Хотя Коломанъ, сынъ короля угорскаго, родился въ 1209 г., но въ то время король угорскій едвали помышлялъ о возведеніи его на галицкій престолъ, и союзъ Андрея съ Лешкомъ Бѣлымъ былъ заключенъ позднѣе. О времени, съ котораго угры начали относиться неблагопріятно къ Даніилу и стремиться къ захвату Галича, см. въ нашей монографіи: „Княженіе Да-

О договорѣ угорскаго короля съ Краковскимъ княземъ Лешкомъ касательно совмѣстнаго занятія Галича съ устраненіемъ Данила, являвшагося съ малолѣтства претендентомъ на галицкій столъ, встрѣчаемъ новыя данныя въ житіи Саломеи, дочери Лешка, которая, какъ извѣстно, была помолвлена за Коломана, когда была еще малюточной, а жениху ея было пять лѣтъ. Галицко-волынская лѣтопись считаетъ Лешка авторомъ проекта этого брака. Изданное теперь житіе св. Саломеи, королевы Галицкой, которымъ пользовался Нарушевичъ, представляетъ дѣло иначе ¹⁾: виновникомъ затѣи былъ король угорскій, вынудившій Лешка выдать свою малолѣтнюю дочь за Коломана. Должно, впрочемъ, замѣтить, что показаніе нашей лѣтописи заслуживаетъ предпочтенія, потому что въ житіи св. Саломеи, написанномъ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в., наряду съ достоверными цѣнными указаніями ²⁾, встрѣчаются совершенно невѣрные извѣстія, напр.— о томъ, что послѣ смерти короля Андрея II Коломанъ

нила Галицкаго“, стр. 46—47. Иначе у Зубрицкаго: *Исторія галицко-русскаго княжества*, ч. III., Львовъ 1855, 53 и сл. Ср. въ ст. Дробы: „*Stósunki Leszka Białego z Russiâ i wegrymi*“ въ XIII т. „*Rozprawy i sprawozd. z posiedzeń wydz. hist.-filoz. Ak. Uni. w Krak.*“ 1881, 392 и сл.

¹⁾ ...*Salomea nacione fuit (Polona), filia magnifici ducis terrarum Cracovie, nomine Lestkonis, cuius mater Grimislava genere Ruthenarege Andree Ungarie deprecante, ut Christi famula Salomea pro filio eius nomine Colomano in sponsam traderetur, quod, si casu fieri non deberet, totum ducatum Lestkonis predictus rex Ungarie vellet devastare; quibus monicionibus, immo comminacionibus dux Lestko respondit: Filiam nostram Salomeam ad postulacionem Andree, regis Ungarie, pro filio eius Colomano dare non possumus, quia votum fecit Deo nec maior est potestas regis Ungarie, quam Cunctipotentis, in cuius disposicione perficiuntur omnia. Instantibus autem baronibus et consiliariis suis, dux illustris Lestko annuit et consentit peticionibus predicti regis Ungarie, ut sua filia Salomea connubio Colomani traderetur. Monum., 776—777.*

²⁾ *Erat autem Salomea tercio anno sue etatis, cum ad curiam predicti regis Ungarie pro filio Colomano deportaretur. Monum., 777, гдѣ см. также примѣч. 4..* Это извѣстіе исправляетъ прежнія неточности въ опредѣленіи лѣтъ Коломана и Саломеи (Дроба, 401. Szaraniewicz, *Trzy opisy histor. Nalicza*, 20) и какъ бы подтверждаетъ разсмотрѣнное выше свидѣтельство о томъ, что гораздо ранѣе коронаванія Коломана состоялось соглашеніе о томъ Андрея II съ Лешкомъ.

подѣлился наслѣдіемъ съ своимъ братомъ Белою IV такъ, что послѣдній взялъ Венгрію, а Коломанъ галицкое королевство, которымъ правилъ 25 лѣтъ ¹⁾). Коломанъ, вѣнчаннй на царство въ Галичѣ въ 1214 г., княжилъ тамъ недолго и потомъ носилъ лишь титулъ короля. Точно также едвали вѣрно извѣстіе, что инициатива возведенія его на галицкій престолъ принадлежала угорскому королю ²⁾).

Угры не оставляли своихъ прямыхъ притязаній на Галичъ съ 1213 до 1234 г. Потерпѣвъ рядъ неудачъ, они разстались съ мыслью видѣть своего королевича на галицкомъ престолѣ, но еще въ теченіи 10 лѣтъ оказывали поддержку противникамъ Данила, старавшимся утвердиться въ Галичѣ съ помощію враждебныхъ Даниилу бояръ. Данилъ, съ своей стороны, постоянно искалъ сближенія съ Угорскимъ королемъ и предпринялъ нѣсколько поѣздокъ къ угорскому двору. Въ 1235 году онъ присутствовалъ при коронаваніи Бела IV и вель его коня во время торжественнаго шествія, между тѣмъ какъ прежній галицкій король Коломанъ, братъ Бела, несъ королевскій мечъ. Извѣстіе угорскихъ источниковъ объ этомъ давно извѣстно изъ Туроца. Теперь тоже самое извѣстіе читаемъ въ „Vita et miracula S. Kungae“, памятникѣ, написанномъ около 1320 г. ³⁾). Авторъ житія Кинги ссылается при этомъ на угорскія хроники. Ссылка подтверждается тѣмъ, что упомянутое извѣстіе встрѣчается буквально въ томъ же видѣ въ „*Marci Chronica de gestis Hungarorum ab origine gentis ad annum MCCCXXX producta*“, изданной Toldy въ Пештѣ въ 1867 г. Хроника же Марка, написанная въ 1358 г., черпала, думаютъ, изъ недошедшей до насъ угорской лѣтописи, составленной во 2 й половинѣ XIII в. Въ виду такого происхожденія извѣстія объ участіи Данила въ торжествѣ коронаванія Бела, это сообщеніе не можетъ воз-

1) ...mortuo rege Andrea Ungarie, Colomanus cum suo fratre dicto Bela regna diviserunt taliter, ut Bela in regno Ungarie patri succederet, Colomanus vero regnum Gallacie in Russia obtineret et cum beata Salomea in eodem regno Gallacie XXV annis regnavit. Monum., 779.

2) Droba, 400.

3) Rex quippe Bela post obitum genitoris sui regis Andree diadema regni et sceptrum regale cum nimia magnificentia honoris in Alba Regali in ecclesia cathedrali suscepit, rege Colomano germano eius ense regalem ad latus eius honorifice tenente; Daniele vero duce Ruthenorum equum suum ante ipsum summa cum reverentia ducente. Monum., 684.

буждать сомнѣній¹⁾; вопросъ можетъ быть только о смыслѣ этого участія, — о томъ, считать ли его выраженіемъ вассальной зависимости Даниїла отъ угорскаго короля, какъ полагають Карамзинъ и думаютъ угорскіе историки²⁾. На нашъ взглядъ нѣтъ основаній усвоить такое значеніе участію Даниїла въ церемоніалѣ коронованія. Шествіе у стремени, дѣйствительно, принималось въ средніе вѣка за выраженіе вассальной зависимости³⁾, но Даниїлъ могъ вести подъ уздцы королевскаго коня просто для заявленія своего расположенія и преданности Белѣ, изъ чести, honorigise, какъ выражается рассматриваемое извѣстіе о Коломанѣ, несшемъ королевскій мечъ. Что Даниїлъ не вступалъ при этомъ ни въ какія особыя обязательства и не заключалъ договора съ угорскимъ королемъ, видно изъ послѣдующихъ дѣйствій Бела, изъ покровительства, которое послѣдній оказывалъ Ростиславу Михайловичу, а также изъ того, что и послѣ Даниїла предпринимали поѣздки въ Венгрію галицко-волынскіе князья, не имѣвшіе въ то время никакой надобности признавать верховную власть угорскихъ королей, но все-таки принимавшіе участіе въ торжественныхъ церемоніяхъ⁴⁾.

Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ извѣстій, напечатанныхъ впервые въ рассматриваемомъ томѣ и относящихся къ исторіи Руси въ до-татарское время, слѣдуетъ признать то, которое касается дѣятельности знаменитаго католическаго миссіонера, польскаго доминиканца, св. Яцка Одровонжа. Издавна уже имѣются на разныхъ языкахъ

1) Зубрицкому (Ист. галицко-русскаго княж., III, 125) извѣстіе, переданное Туроцомъ, казалось „хвастовствомъ ревностнаго Мадьярскаго патриота, ибо нашъ современный лѣтописатель о сего рода событіи не упоминаетъ“.

2) Ср. Княж. Дан. Гал., 48. Нѣкоторые возводятъ признаніе верховной власти угорскаго короля къ малолѣтству Даниїла. Droba, 378, 388.

3) Не отъликомъ ли этого западнаго обычая является шествіе мелкихъ галицкихъ бояръ у стремени сильныхъ? См. въ галицко-волынскій лѣтописи описаніе пріѣзда мятежныхъ бояръ, гордившихся предъ Даниїломъ: „приехала съ великою гордынею, едучю Доброславу во одной сорочцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текушимъ у стремени его“... Ип., 525.

4) См. выписки изъ иностранныхъ лѣтописей объ этихъ поѣздкахъ въ монографіяхъ г. Шараневича.

обширныя повѣствованія о необычайныхъ его подвигахъ и совершенныхъ имъ чудесахъ, объ успѣхахъ его проповѣди на Руси, но доселѣ не было напечатано древнѣйшее житіе Яцка, хранящееся въ Римѣ въ библиотекѣ Chigi. О немъ знали уже съ XVI-го столѣтія, на немъ основали канонизацію Яцка и довольно давно уже собирались издать этотъ памятникъ, но только теперь осуществилось, наконецъ, это намѣреніе.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ печати этого древнѣйшаго житія Яцка, единственнаго жизнеописанія, заслуживающаго вниманія серьезныхъ историковъ, руководящихся чисто научными, а не сторонними побужденіями. Научное изслѣдованіе получаетъ теперь матеріалъ, на основаніи котораго можетъ оцѣнить по достоинству значеніе легенды, разроставшейся съ вѣками и доведенной до крайнихъ преувеличеній ревнителями католическаго благочестія. Древнѣйшее житіе Яцка, написанное краковскимъ доминиканцемъ Станиславомъ вѣкъ спустя послѣ смерти знаменитаго подвижника, даетъ возможность отличить въ легендѣ всѣ позднѣйшія наслоенія отъ древнѣйшаго извода ея, какъ онъ былъ извѣстенъ источникамъ, по которымъ составилъ свое повѣствованіе біографъ Яцка. Оказывается, что въ XIV в. рассказъ о пребываніи Яцка въ Кіевѣ не занималъ виднаго мѣста въ легендѣ и преданіяхъ объ Яцкѣ, да и подвиги Яцка на Руси были тогда не столь возвеличиваемы, какъ у позднѣйшихъ католическихъ панегиристовъ: о путешествіи Яцка въ Кіевъ находимъ всего нѣсколько строкъ. На основаніи этого скуднаго извѣстія можно вывести заключеніе, что проповѣдь Яцка въ Кіевѣ не переступала круга католиковъ-иностранцевъ и имѣла своимъ послѣдствіемъ лишь подчиненіе доминиканскому ордену существовавшаго ранѣе въ Кіевѣ католическаго монастыря св. Маріи ¹⁾, а также вступленіе въ этотъ орденъ многихъ

¹⁾ Такъ понимаемъ мы выраженіе: „conventum in honorem Uirginis gloriose fratrum predicatorum recepit“. Тоже выраженіе встрѣчается чрезъ нѣсколько строкъ ниже: „conuentu fratrum predicatorum in eodem loco recepto“. Издатель ставитъ такое примѣчаніе къ этому выраженію: „Według mego mniemania Stanisław chciał powiedzieć: a zostawiając im br. Benedykta i otworzywszy klasztor (lub może: rozpoczynając budowę klasztoru br. dominikanów) powrócił do Krakowa. Na początku tego rozdziału użytem jest *recepere* w znaczeniu otworzyć, ufundować (conventum receperunt)“. Ср. однако выраженіе, употребленное тутъ же: *ad ordinem recepit*.

лицъ католическаго епископа, которыхъ, повидному, было немало въ Кіевѣ. По словамъ біографіи, Яцекъ прибылъ въ Кіевъ въ 1222 г., пробылъ здѣсь 4 года, а въ началѣ пятаго отпразднелся въ Краковъ, оставивъ въ Кіевѣ одного изъ своихъ спутниковъ, именно Година. Въ Гданскѣ по пути въ Краковъ Яцекъ также склонилъ многихъ въ поступленію въ орденъ и также основалъ (?) монастырь *fratrum predicatorum*¹⁾. Если обратить вниманіе на соединеніе въ одномъ отдѣлѣ разсказовъ о посылкѣ Чеслава въ Прагу и о дѣятельности Яцка въ Кіевѣ и Гданскѣ, то нельзя не замѣтить, что, по смыслу повѣствованія, Яцекъ, путешествуя въ Кіевъ, имѣлъ въ виду не пропаганду католичества среди иновѣрцевъ, а только распространеніе своего ордена въ средѣ католиковъ. Повидному, Яцекъ задался насажденіемъ *доминиканскаго ордена* въ Польшѣ и славянскихъ земляхъ, смежныхъ съ нею, то есть въ Чехіи и на Руси. Насколько достовѣренъ разсказъ о подвигахъ его на Руси, не беремса рѣшить. Замѣчательно, что этотъ разсказъ сопровождается опредѣленною датою. Еслибы она была вѣрна, то подорвала бы гипотезу И. И. Малышевскаго касательно времени пребыванія Яцка въ Кіевѣ²⁾. Мы не имѣемъ однако данныхъ, по которымъ могли-бы судить, на чемъ основано сказаніе Станислава о проповѣди Яцка въ Кіевѣ,—на записи ли спутниковъ святаго, какою можно признать въ основѣ разсказа, непосредственно

1) Anno Domini M^o CC^o XXII°. Venit sanctus Iazecho cum sua societate, videlicet fratre Godino et fratre Floriano et fratre Benedicto in Kyiow, ubi verbum uite disseminando et multis predigiis ac miraculis corruscando in eadem civitate conventum in honorem Uirginis gloriose fratrum predicatorum recepit, ibique quatuor annis moram fecit, et numerosam multitudinem sacerdotum ac clericorum ad ordinem recepit. Quinto vero anno inchoante iter uersus Cracoviam arripuit, dimissoque fratre Godino in Kyiow, uenit in Gdansk, ubi verbum vite fructifere disseminans et miraculis quam plurimis confirmans, plures ad ordinis ingressum prouocauit, relinquensque eis fratrem Benedictum et conuentu fratrum predicatorum in eodem loco recepto, in Cracoviam cum fratre Floriano reversus est*. Monum., 857—859.

2) Новое извѣстіе для критики той-же гипотезы представляетъ документъ 28 сентября 1228 г., недавно изданный въ Kod. dipl. Kat. Krak., въ которомъ Яцекъ названъ монахомъ монастыря св. Троицы въ Краковѣ и по которому пріоръ Гергардъ и Яцекъ находились въ то время въ Краковѣ. Mon., 855.

предшествующаго ¹⁾, или же на устномъ преданіи. Во всякомъ случаѣ къ разсматриваемому житію надо относиться съ большою осторожностію: уже Цейссбергъ отмѣтилъ въ немъ нѣкоторыя неточности ²⁾, а Цвиклинскій, издавшій житіе въ Monumenta, указываетъ на цѣлый рядъ несообразностей и не признаетъ полной исторической цѣнности за разсматриваемымъ памятникомъ ³⁾. Въ частности интересующее насъ мѣсто житія—о кievской миссіи Яцка—не можетъ быть принято на вѣру и нуждается въ строго-критическомъ сопоставленіи съ данными, заключающимися въ папскихъ буллахъ тридцатыхъ годовъ XIII-го в. ⁴⁾. Намъ кажется страннымъ то обстоятельство, что въ буллахъ какъ бы игнорирована дѣятельность Яцка, просто ведется рѣчь о нестроеніяхъ въ жизни Кіевскихъ латинянъ и затѣмъ какъ-бы впервые поручается исправленіе недостатковъ католической паствы доминиканцамъ, въ ряду которыхъ Яцкъ не названъ. Удивительно скоро исчезли слѣды проповѣди Яцка, если чрезъ шесть лѣтъ послѣ его ухода изъ Кіева папа былъ вынужденъ послать туда другихъ братьевъ проповѣдниковъ. Возникаетъ сомнѣніе, не измышлены ли въ позднѣйшее время подробности о посѣщеніи Яцкомъ Кіева, и не составила ли легенда о хожденіи его въ Кіевъ потому, что въ 30-хъ годахъ XIII в. польскіе доминиканцы дѣйствительно бывали въ Кіевѣ?

1) Въ концѣ этого разсказа о чудѣ, совершенномъ Яцкомъ у Вышгорода въ Мазовіи, читаемъ: „Quod miraculum narraverunt et scripserunt supradicti tres fratres“. Г. Цвиклинскій думаетъ, что главнымъ, а можетъ быть и единственнымъ письменнымъ источникомъ Станислава была какая-то хроника Краковскаго монастыря, или же—вѣрнѣе—какая нибудь *liber miraculorum*. Эготъ списокъ чудесъ не могъ быть начатъ при жизни Яцка, но все-таки возникъ довольно рано и былъ оконченъ около 1289 г. Monum., 836—839.

2) Die polnische Geschichtschreibung d. Mittelalters, Leipz. 1873, S. 91.

3) „O ile jednak kontrolę przeprowadzić jesteśmy w stanie, obniża ona, jeżeli nie niszczy całkiem wiarogodność wspomnianych świadectw... wartość dziełka Stanisławowego czyli owego *liber miraculorum*, z którego traktat Stanisława wypłynął, maleje nieporównanie; widzimy że ten-że najwcześniejszy wykaz cudów ś. Jacka nie polega na współczesnych zapiskach, lecz że w części przynajmniej także z pamięci spisany został“. Monum., 838.

4) Буллы эти указаны въ нашей статьѣ: „Первая унія юго-западной Руси съ католичествомъ“ (Унив. Изв. 1884, № 8).

Матеріалы въ IV-мъ томѣ Monumenta для исторіи татарскихъ нашествій XIII в. не имѣютъ прямого отношенія къ русской исторіи и представляютъ для послѣдней лишь косвенныя указанія.

Изъ этихъ данныхъ разсматриваемаго тома оказывается, что, вышедши изъ Руси, татары раздѣлились на двѣ арміи; одна опустошала Польшу, другая подъ начальствомъ Батыея направилась противъ угровъ¹⁾. Въ напечатанномъ въ 1504 г. нѣмецкомъ переводѣ житія св. Гедевиги, передающаго нѣкоторыя подробности о первомъ татарскомъ нашествіи, есть рассказъ объ убіеніи въ Силезіи татарской царицы, которая, наслышавшись похвалъ христіанскому рыцарству и князьямъ, наслышавшись о достохвальныхъ обычаяхъ христіанскихъ земель, страстно захотѣла видѣть тѣ государства и упростила своего мужа дозволить ей побывать въ христіанскихъ земляхъ. Ее сопровождали многіе могущественные князья, графы и рыцари. Вездѣ ей оказывали почетный приемъ, какой подобалъ такой могущественной государынѣ, но въ Силезіи жители Newmargkt'a, прельстившись сокровищами, которыя были съ царицею, убили ее и ея свиту, и изъ послѣдней уцѣлѣло всего два челоуѣка. Когда татарскій императоръ Батый услышалъ скорбную вѣсть о томъ, то поклялся не знать покоя до той поры, пока не отомститъ христіанамъ за эту смерть великимъ кровопролитіемъ и опустошеніемъ, и 3 года собиралъ свое ополченіе²⁾. Сказаніе это представляеть варіантъ повѣсти о прекрасной Кублаевѣ.

Отмѣтимъ, далѣе, упоминаніе о спутникѣ Плапо-Карпини, полякѣ Бенедиктѣ, который названъ въ числѣ свидѣтелей одного чуда св. Станислава³⁾. Бенедиктъ оставилъ описаніе своего путешествія къ татарамъ.

Есть нѣсколько интересныхъ данныхъ о татарскихъ набѣгахъ второй половины XIII в. Въ „Vita sanctae Kungae“ есть упоминаніе о боѣ ея мужа, Краковскаго князя Болеслава, съ татарами и схизматиками⁴⁾. Длугошъ приурочилъ это упоминаніе къ битвѣ подъ Пѣвткой

1) Monum., 562---563; 36.

2) Ibid., 560—562.

3) Probatur plene per ligatos... fratrem Benedictum ordinis fratrum Minorum guardianum, qui fuit apud Tartaros, II testem XXII articuli. Mon., 301.

4) Quaedam autem vice cum dux cum Tataris [et] scismaticis conflictum habere deberet, ipsa de ducis sanitate et prosperitate sollicita in oracione con-

въ 1266 г., въ которой Русскими предводительствоваль Шварнъ.—Въ 1286 г. въ Пруссiи распространился слухъ о готовившемся татарскомъ набѣгѣ, вслѣдствiе чего нѣкоторыя мѣстности были оставлены жителями ¹⁾. Набѣгъ состоялся въ слѣдующемъ 1287 г. Заслуживаетъ вниманiя разсказъ того же житiя Кинги о сценахъ „*tempore fuge Tartarorum*“, о бѣгствѣ населенiя монастыря и сель въ укрѣпленiе ²⁾. Видно, выработалась уже привычка укрываться по первому слуху о татарахъ въ укрѣпленiя и другiя мало доступныя мѣста, привычка, благодаря которой населенiе спасалось отъ полнаго истребленiя и могло, по минованiи разгрома, возвращаться на старыя селища. Находили нѣкоторое утѣшенiе и въ самой гибели. Въ житiи св. Саломеи встрѣчаемъ разсказъ о томъ, какъ эта святая явилась въ 1270 г. въ видѣнiи вмѣстѣ съ пресвятой дѣвой Марiей одной знатной жепцивиѣ Елисаветѣ, вдовѣ Прибислава. Елисавета спросила свою родственницу Рацлаву, жену краковскаго кастеллана, графа Климента, которая предстала въ видѣнiи въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ Марiи и Саломеи, о судьбѣ Климента, убитаго татарами: спасенъ-ли онъ? Въ отвѣтъ ей Рацлава сказала, что всѣ убитые татарами спасены и вознеслись на небо ³⁾.

Есть еще два свѣдѣнiя о родственныхъ связяхъ польскихъ и русскихъ князей второй половины XIII вѣка, но связи эти были извѣстны и ранѣе. Сообщается о томъ, что первый сынъ Казимира Куявскаго (сына Конрада Куявскаго и Мазовецкаго), Лестко (Черный), былъ женатъ на дочери русскаго князя Ростислава ⁴⁾. Ростис-

stituta, vocem audivit dicentem sibi: Nos, inquam, ad tue precis instanciam missi sumus ad tuam obsequelam etc. (разсказъ о помощи св. Гервасiя и Протасiя, представшихъ въ бѣлыхъ одеждахъ и поражавшихъ враговъ; извѣстный легендарный мотивъ)., Monum. 694—695.

¹⁾ Monum., 37.

²⁾ Ibid.

³⁾ Omnes, inquit, illi, qui sunt occisi a Tataris, de quorum numero est patruus tuus, maritus meus, adiuvante eos beata virgine Maria, omnes, inquam, salvati sunt et evolaverunt in celum. Monum., 788. Ср. народное повѣрье о святости безвинно убитыхъ.

⁴⁾ Primus filius Kazimiri ducis, Lezteo, fuit dux Siradiensis et Cracovicnsis et Sandomirie habens uxorem Griffinam, filiam Rozlai ducis Ruzie. Monum., 650.

славъ этотъ извѣстенъ какъ противникъ Данила въ борьбѣ за Галичъ и затѣмъ какъ князь Мачвы ¹⁾.—Цѣннѣе второе свѣдѣніе—о Констанціи, дочери угорскаго короля, женѣ князя Льва Даниловича. То, что сообщается о ней въ IV т. *Monumenta Poloniae* ²⁾, въ связи съ прежде извѣстными позднѣйшими свидѣтельствами о ея набожности и преданіямъ объ ея благосклонности къ католическому духовенству, указываетъ на то, что Констанція, вышедши въ замужество за галицкаго князя, осталась католичкой и до такой степени была ревностна въ дѣлахъ католическаго благочестія, что была причтена къ лику святыхъ. Она примыкаетъ, такимъ образомъ, къ ряду святыхъ польско-угорскихъ княгинь XIII в. и представляетъ одно изъ любопытныхъ отклоненій въ этомъ уголкѣ европейскаго міра отъ влеченія къ свѣтской жизни и увеселеніямъ, которое должно было распространяться подъ вліяніемъ развитія общественности въ передовыхъ странахъ запада, земляхъ англо-норманскихъ, французскихъ, провансальскихъ и итальянскихъ. Татарскіе погромы располагали и въ Польшѣ, какъ и на Руси, къ подвигамъ благочестія. Примѣръ Констанціи показываетъ далѣе, что на юго-западѣ Руси не всегда происходило перекрещиваніе католичекъ, вступавшихъ въ бракъ съ русскими, и что задолго до Юрія II населеніе юго-запада могло привыкнуть къ совмѣстной жизни съ католиками и къ покровительству князей католическому духовенству и исповѣданію.

1) О Грифинѣ см. у Палацкаго: О Русскомъ князѣ Ростиславѣ, переводъ Бодянскаго, М. 1846, стр. 15. Перепечатана эта статья Палацкаго въ „Radhost“ 1872. См. еще въ монсгр. Палаузова „Ростиславъ Михайловичъ“.

2) *Constancia tradita est Leoni duci Russie, quae coruscatur miraculis in civitate Lwovensi*, Monum., 684. Ср. р. 716 въ томъ же житіи св. Книги: *Quadam autem vice volens sorores suas in melodia cantus divini officii proficere et audaciam cantandi eis inferre, sincera cum devocione supplicavit fratribus, quod in die sancte Clare sorores divinum officium cum cantu et cum vesperis exsolverent. Qui contempta eius petitione soli vespervas incipiunt et intonant ac exsolvunt ei in tedium et detrimentum non modicum; domina autem Constancia, germana eius, ducissa Ruthenorum, que tunc aderat, fratres inclamante et reprehendente, sorori sue preces humiles fudit, quatenus ob reverenciam beatissimi patris Francisci filios ipsius in reverencia habeat et nullatenus ipsos reprehendat.*

Для исторіи позднѣйшаго времени, вв. XIV—XVI, въ разсматриваемомъ томѣ имѣется небольшое количество данныхъ, да и тѣ представляютъ мало новаго къ фактамъ извѣстнымъ.

Въ названномъ уже житіи Кипги, написанномъ около 1320 г., встрѣчаемъ упоминаніе о бѣлоруссахъ¹⁾. Наименованіе это употреблено ошибочно, но тѣмъ не менѣе присутствіе его въ этомъ памятникѣ заслуживаетъ вниманія, какъ указаніе на извѣстность этого термина въ Польшѣ того времени.

Не станемъ останавливаться на извѣстіяхъ о набѣгѣ Давида Гродненскаго на Мархію въ 1323 (1326) г.²⁾ и о вторженіи крестоносцевъ въ Литву въ 1329 г.³⁾ Не заслуживаютъ особаго упоминанія и извѣстія въ родѣ того, что войско Витовта въ 1410 г. состояло изъ язычниковъ (*gentiles*): латовцевъ, русскихъ и татаръ⁴⁾, или — что въ 1431 г. Ягайло двинулся къ Луцку⁵⁾. Равнымъ образомъ не представляютъ интереса краткія лѣтописныя замѣтки о войнѣ Сигизмунда съ Москвитами въ 1514 г. и о Глинскомъ подѣ 1507 г.⁶⁾.

1) *Rex autem Colomanus regis Bele germanus fuit rex Ruthenorum Alborum, qui duxerat uxorem nomine Salomeam etc. Monum., 685.* О названіи Бѣлой Руси см. въ ст. проф. Перволюфа въ „*Arch. f. slav. Phil.*“, VIII.

2) *Anno 1323 (ошибочно вм. 1326) David Lithwanus de castro Garten a Lokethko rege Poloniae adiutus marchiam vastavit et [cremavit] multis paganis occisis et deductis; qui a quodam milite occiditur. Monum., Chronica terrae Prussiae, p. 37.* Ср. др. данныя у В. В. Антоновича: *Моногр. по ист. зап. и ю.-зап. Россіи, I, 42—43.*

3) *Monum., 38, 39.*

4) *Ibid., 47.*

5) *Ibid., 203: anno Domini M^o CCCC^o XXXI°, dum olim rex Wladislatus contra hostes suos versus Luczszkam exercitualiter se moverat, securus de perpetua pace cum ipsis Cruciferis...*

6) *Monum Pol., Annales Golubiensis, p. 42: „Item im jor MCCCCC und im XIII jor am tage nativitatıs Marie konigk Siglsmundus dy Muskaviter niederleit und erschlagen wurden bey XXX tausent Muskaviter, das her der muskause forste selbest kaum davon quam, und der Muskaviter wart gefangen bey dy vimhundert szeyne besten man.—* О Глинскомъ сообщается, что онъ былъ изгнанъ Сигизмундомъ, ночью обезглавилъ великаго воеводу въ Литвѣ За-

Интересенъ въ сказаніи о великомъ пораженіи нѣмецкаго ордена въ 1410 г. (*De magna strage*) рассказъ о невѣжествѣ Ягайла до крещенія его въ Краковскомъ соборѣ ¹⁾. Однажды Ягайло вошелъ въ этотъ соборъ, увидѣлъ распятіе и спросилъ, что это за фигура. Сопровождавшіе Ягайла разъяснили ему, что это — изображеніе распятаго спасителя нашего и рассказали королю, какъ Христосъ восторжествовалъ на крестѣ и освободилъ насъ отъ вѣчной смерти. Услышавши это, Ягайло, уже нѣсколько тронутый внушеніемъ благаго духа, сказалъ со слезами: зажгите свѣчу въ честь и славу ему. Пропедши затѣмъ нѣсколько впередъ во входной части храма, увидѣлъ образъ непорочной дѣвы и спросилъ: что то? ²⁾. Въ отвѣтъ ему было сказано, что это изображеніе того, кого дѣва зачала и родила, пребывъ непорочною, кого ты видѣлъ распятымъ, она же — царица небесъ, повелительница ангеловъ и спасительница всѣхъ грѣшниковъ. Слыша это о ней, Ягайло сказалъ: да будетъ возженъ свѣтъ и ей, чтобы она и за меня заступалась. И разсматривая такъ рзличныя изображенія, подобнымъ же образомъ велѣлъ зажигать свѣчу передъ каждымъ. Наконецъ, вошедши въ капеллу одиннадцати тысячъ дѣвъ, увидѣлъ тамъ изображеніе діавола съ рогами и, дивясь ему, спросилъ: какой смыслъ этого изображенія? Ему отвѣтили, что это изображеніе демона. Когда онъ разспрашивалъ далѣе, ему было сказано, что діаволъ столь злобенъ, что уноситъ того, кого побѣждаетъ своими наущеніями, въ адъ на вѣчныя муки и вѣчно наказываетъ его, какъ раба, въ огнѣ геенны. Слыша это, Ягайло какъ бы смутился отъ страха и сказалъ: зажгите ему двѣ свѣчи, потому что если случится, что онъ побѣдитъ меня, то будетъ угрож-

бржезинскаго и отѣхалъ въ Москву, послѣ чего король отнялъ у Глинскаго всѣ его имѣнія, а Глинскій причинилъ Литвѣ съ москвитами большой вредъ. *Dornoch wolde her den Muskawiter vorrotten kegen dem konigk und der Muskawiter das inne wart, do nam yn der Muskawiter gefangen und lysz yn vorhungern.*

¹⁾ Monum., 46.

²⁾ ... dixit: „*Sczossto*“ id est: quid est? Къ этимъ словамъ издатель сдѣлалъ такое примѣчаніе: „W tekscie stoi niezawodnie mylnie „hassto“; ze nalezy czytac „szozto—szozto“, na to wskazuje tłumaczenie „quid est“, oraz podobny ustęп Kwiatkiewicza (*Krzyż święty* etc.) str. 63: mówiąc z ruska: *szczo to jest*“. Поправка эта кажется намъ не вполне согласною съ текстомъ.

дать мнѣ. Когда же Ягайлу было разъяснено, что діаволь имѣеть власть только надъ тѣмъ, кто поддается ему, а въ особенности надъ язычникомъ, іудеемъ или схизматикомъ, то онъ тотчасъ же поспѣшилъ креститься“. Слѣдуетъ упоминаніе о благочестіи, какимъ проникся Ягайло послѣ крещенія, объ его милосердіи въ бѣднмъ и о невысокомъ мнѣніи его о земномъ царствѣ ¹⁾. Были, повидимому, въ этомъ сказаніи и еще подробности объ Ягайлѣ, : о онѣ утеряны ²⁾. — Приведенный разсказъ объ Ягайлѣ выставляетъ его язычникомъ ³⁾ и совершеннымъ невѣждою въ христіанскомъ ученіи и какъ бы имѣеть цѣлью усвоить католичеству всю заслугу нравственнаго перерожденія, совершившагося въ литовскомъ князѣ послѣ крещенія въ Краковѣ. Какъ согласить однако эту легенду съ несомнѣнными свидѣтельствами о томъ, что до принятія католичества Ягайло былъ православнымъ? Сверхъ того переданная легенда обнаруживаетъ тенденцію объяснить окончательную рѣшимость Ягайла принять католичество такъ, какъ, напр., въ нашей начальной лѣтописи объяснено обращеніе Владимира. Авторъ сказанія „o wuelgum ruobuszw“, повидимому, былъ плохо знакомъ съ фактами, потому что говоритъ, напр., что у Ягайла было два родныхъ брата: Витовтъ и Свидригайло.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ изданіи житія Моисея Утрина, сдѣланномъ проф. Калужняцкимъ. Какъ извѣстно, житіе это принадлежитъ къ Печерскому Патерику. Г. Калужняцкій, редактируя текстъ житія для Monumenta Poloniae, воспользовался добытыми покойнымъ Бѣлевскимъ копіями съ лучшихъ петербургскихъ рукописей и положилъ въ основу текста рукопись Патерика, написанную въ 1406 г. по порученію архіеп. Тверскаго. Для вариантовъ издатель воспользовался списками съ двухъ рукописей (1460 и конца

¹⁾ Monum., 46—47.—Ср. также возвеличеніе Ягайла въ Henrici, Sbignei de Gora Tractatulus contra cruciferos: Monum., 170—172.

²⁾ Вслѣдъ за приведеннымъ повѣствованіемъ объ Ягайлѣ „Na marginesie następująca uwaga: *Hic est magnus defectus, quomodo fuit captus a fratre in Lutczko et a suis liberatus; iterum Pruteni fecerunt damna magna in Polonia.*

³⁾maiores Polonie natu, dimissis principibus naturalibus pro fidei catholice ac pacis regni augmento Jagel supremum ducem Litwanię aduc pagannum in regem susceperunt.... Monum., 45—46.

XVI или начала XVII в.), находящихся въ С.-Петербургѣ, и южно-русскимъ спискомъ 1619 г., принадлежащимъ Львовской университетской библиотекѣ. По мнѣнію г. Калужнацкаго, разночтенія свидѣтельствуютъ о томъ, что было двѣ редакціи Патерика, сѣвернорусская и южнорусская, изъ коихъ послѣдняя отличалась нѣкоторыми позднѣйшими прибавками и сохраненіемъ эпилоговъ. Къ славянскому тексту г. Калужнацкій присоединилъ польскій переводъ и примѣчанія. Въ послѣднихъ читаемъ, что прозвище Угринъ Моисей получилъ отъ того, что родился въ Угорской Руси, но такое объясненіе едвали согласно со словами житія: „се бо бысть родомъ Оугринъ“. Другія немногочисленныя примѣчанія не заключаютъ цѣнныхъ данныхъ, а между тѣмъ памятникъ этотъ сообщаетъ немало весьма интересныхъ свѣдѣній.

Н. Дашкевичъ.

